

**Между Сциллой и Харибдой:
к вопросу о научности религиоведения**

О. Ю. Бойцова

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация*

Введение. Статья посвящена вопросу научного статуса современного религиоведения. В религиоведении XX – начала XXI в. научность выступает в качестве одного из важнейших критериев, определяющих самоидентификацию и самооценку дисциплины, влияет на понимание ее предмета и методологических инструментов, а также на легитимацию и делегитимацию исследовательских стратегий и принципов взаимодействия с другими сферами знания, в том числе на признание или непризнание направлений, претендующих на познание религии.

Материалы и методы. Значимость критерия научности отчетливо проявилась в дискуссиях первых десятилетий двадцать первого века о соотношении религиоведения, философии религии, религиозной философии и теологии, а также о возможности конфессионального религиоведения, которые предельно актуализировали проблему научности в связи с интеграцией теологии систему российского высшего образования.

Результаты исследования. Автор указывает, что в отечественной научной литературе широко распространено представление о глубоком кризисе религиоведения, который связывается с несоответствием или неполным соответствием данной дисциплины эталону науки. При этом в религиоведческом сообществе нет единства по вопросу о том, что именно следует понимать под наукой. В зависимости от позиции в данном вопросе стратегии выхода из ситуации «отставания» от других наук варьируются, оставаясь в эпистемическом пространстве между двумя крайностями: на одном полюсе находится стремление привести изучение религии в соответствие с классическим идеалом научности, восходящим к представлениям Нового времени, на другом – попытка редуцировать науку к социальным практикам и отказаться от признания специфики научного познания.

Выводы. В статье показано, что ситуация в религиоведении не является уникальной. Существенные изменения, которые в течение XX в. испытали современная культура и наука как способ ее постижения, привели к пересмотру как критериев научности, так и оснований институционализации научных дисциплин в целом. Показывается, что в актуальной ситуации религиоведение обладает рядом преимуществ, которые позволяют более высоко оценивать как достигнутые результаты, так и перспективы науки о религии в современном мире.

Ключевые слова: религиоведение, наука, идеал научности, эпистемология, институционализация, научное сообщество

Благодарности. Автор выражает признательность выдающейся научной школе МГУ имени М. В. Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление», в рамках деятельности которой написана эта статья.

Для цитирования: Бойцова О. Ю. Между Сциллой и Харибдой: к вопросу о научности религиоведения // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2020. – № 3. – С. 121–138.

Between Scilla and Charibdis on the scientific character of religious studies

Olga Yu. Boytsova

*M. V. Lomonosov Moscow State University,
Moskva, Russian Federation*

Introduction. The article is devoted to the issue of the scientific status of modern religious studies. It shows that in religious studies of the XX – beginning of the XXI century, «scientific character» acts as one of the most important criteria that determine the self-identification and self-assessment of the discipline, affects the understanding of its subject and methodological tools, as well as the legitimization and delegitimization of research strategies and principles of interaction with other fields of knowledge, including the recognition or non-recognition of areas claiming to research religion.

Materials and methods. The significance of the scientific criteria was clearly shown in the discussions of the twenty-first century first decades on the relationship between religious studies, philosophy of religion, religious philosophy and theology, as well as on the possibility of confessional religious studies, which extremely actualized the problem of science in connection with the integration of theology into the system of Russian higher education.

Results. The author points out that in the Russian scholarly literature there is a widespread idea of a deep crisis in religious studies, which is associated with the discrepancy or incomplete compliance of this discipline with the standards of science. At the same time, there is no unity in the academic community on the question of what exactly should be understood by science in the Humanities. Depending on the position in this issue, strategies for getting out of the situation of “lagging behind” from other sciences vary, remaining in the epistemic space between two extremes: on one pole is the desire to bring the study of religion in accordance with the classical ideal of science, which goes back to the ideas of Modern times, on the other – an attempt to reduce science to social practices and refuse to recognize the specifics of scientific knowledge.

Conclusions. The article shows that the situation in religious studies is not unique. The significant changes that modern culture and science have experienced in the course of the twentieth century as a way of understanding it have led to a revision of both the criteria for scientific character and the grounds for institutionalization of scientific disciplines in general. It is shown that in the current situation, religious studies as a science has several benefits that allow us to evaluate more highly both the results achieved and the prospects of development of science of religion in the modern world.

Key words: religious studies, science, epistemology, the ideal of science. institutionalization, academic community.

Acknowledgements: The article is written within the framework of the Outstanding scientific school of Lomonosov Moscow State University “Transformations of culture, society and history: philosophical and theoretical understanding”.

For citation: Boytsova, O. Yu. (2020). *Mezhdru Scilloj i Haribdoj: k voprosu o nauchnosti religiovedeniya* [Between Scilla and Charibdis. On the scientific character of religious studies]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No 3. pp. 121–138. (In Russian).

Введение

В современных религиоведческих дискуссиях можно встретить самые различные «пункты несогласия». Яблоком раздора служат и трактовка религии, и методологический инструментарий, и статус религиоведения, и соотношение его с другими отраслями знания, и критерии оценки достигнутых результатов, и многое другое. О согласии между религиоведами, пожалуй, можно говорить только в двух вопросах. Одна, разделяемая подавляющим большинством ученых, позиция носит негативный характер: практически не ставится под сомнение тезис о «дефиците самоидентификации», об отсутствии ясности в определении содержательных, методологических и структурных параметров религиоведения. Вторая, позитивная, позиция консенсуса обнаруживается в признании за религиоведением статуса науки и в противопоставлении его иным – ненаучным, вненаучным, паранаучным и проч. – способам объяснения религии [2; 10; 22; 24; 28].

Совмещение этих двух позиций задает определенную оптику в самопонимании и самооценке религиоведческого сообщества: религиоведение – наука, но не в полной мере, поскольку обходится без строгого понятийного аппарата, без четких критериев релевантности исследовательских подходов и без определенных линий демаркации с другими областями знания.

Обзор литературы

Убежденность в несоответствии (или не полном соответствии) эталону побуждает ученых считать свою дисциплину ущербной, своего рода «недоразвитой», и всеми силами стремиться к преодолению отставания от «настоящих», «серьезных» наук. «Современное религиоведение, – утверждает, к примеру, А. П. Чернеевский, – пожалуй, в большей степени, чем другие гуманитарные науки, находится в ситуации постоянного кризиса и рефлексии своих методологических оснований» [25, с. 127]. Есть и более алармистские заявления – такие, например, что:

«отечественному религиоведению особо нечем гордиться: отсутствие современных научных школ, методологическая слабость, вторичность (если не подражательность) по отношению к западным исследованиям не компенсируются даже ... полевыми исследованиями», а религиоведы, «не имея в своем распоряжении оригинальных, а главное – продуктивных методов изучения религиозных явлений и процессов, ... зачастую заменяют изучение последних простым описанием» [11, с. 124–125].

На этом пути самоуничужения ученым приходится искать оправдание современному состоянию науки о религии, которое признается плачевным, и/или определять «врагов», мешающих приблизиться к идеалу.

Однако обширная литература, посвященная этим вопросам, свидетельствует о том, что в отечественном религиоведении вопрос о главной помехе на пути к строгой научности не решен. На эту роль предлагаются разные исполнители – то философия, то теология, то научный атеизм, то конфессиональное религиоведение, то все они вместе, при том что сами номинанты категорически не соглашаются ее играть и, в свою очередь, выдвигают на нее своих оппонентов [4; 6; 9; 10; 12; 14; 18; 20; 21; 28].

Основная проблема здесь заключается в том, что у дискутирующих сторон зачастую не совпадают взгляды на то, что именно следует понимать под наукой и каковы критерии, которым должно соответствовать научное религиоведение. Связано это вовсе не с добросовестным заблуждением полемистов или злым умыслом, а то и некомпетентностью многочисленных «разоблачителей», «которые плохо понимают, как работает наука, но при этом владеют наукообразной терминологией в степени, достаточной для того, чтобы выглядеть учеными в глазах широкой публики» [2, с. 8], а с общим положением дел в современной эпистемологии.

Материалы и методы

Классический идеал науки, восходящий к представлениям Нового времени и наиболее отчетливо выраженный в позитивизме XIX в., связывал ее с определенным образом организованной деятельностью по поиску истины. Ученый в стремлении к максимальной объективности должен опираться на данные опыта и логические правила вывода, в силу чего полученные им результаты приобретают достоверность и универсальную значимость. Поэтому их можно воспроизвести и перепроверить в любое время и в любом месте. Принцип суверенитета научной рациональности, лежащий в основе классического идеала, предполагал признание истины высшей ценностью, требовал неукоснительно следовать ей вне зависимости от личных пристрастий и интересов, настаивал на независимости науки от внешних по отношению к познанию ограничений и стимулов. Все это придавало результатам научного исследования наибольший эпистемический вес и обеспечивало науке прочное положение на самой верхней ступени в иерархии способов получения, хранения и трансляции знания.

Нововременной идеал научности практически во всех областях знания определял цели, задачи и приоритеты познания, особенно в век становления науки как профессиональной сферы – с середины XIX по середину XX вв. Данный эталон диктовал требования и накладывал ограничения на деятельность ученых, а любые несоответствия ему трактовались как «недоразвитость» их дисциплины. Именно тогда стали активно распространяться идеи об отставании социогуманитарных наук и необходимости «подтянуть» их к стандартам строгого научного познания – либо путем реформатирования по образцу естествознания, либо посредством легитимации их отклонения от идеала.

«Особым фактором в развитии социогуманитарных наук было то, что можно описать как процесс “догоняющего развития”. Суть его заключалась в подражании естественным наукам и желании уподобиться им в точности, предсказательной и объяснительной силе, а также практическом эффекте, что зачастую давалось с трудом и вызывало различные “комплексы” и “неврозы” ...» [3, с. 71].

Начиная с девятнадцатого столетия на науку возлагались особенно большие надежды – она должна была лечь в основу рационального администрирования, которое, в свою очередь, было призвано сгладить социальные противоречия и стать действенной альтернативой классовой борьбе и революциям. К началу двадцатого столетия наука приобрела непререкаемый авторитет и стала претендовать на статус единственной легитимной формы адекватного постижения социальной реальности. Более того, как носитель самого надежного знания, наука стала считаться оптимальным арбитром в спорных вопросах

общественной жизни и наиболее эффективным инструментом социальных преобразований. «Именно от нее ждали радикального переустройства общества, которое должно было привести человечество к новому, ранее невиданному процветанию» [2, с. 11]. Данная идея была представлена в социальной мысли XIX–XX вв. в самых различных вариантах – от учения о передаче власти социальным «промышленникам» у Сен-Симона до меритократических проектов Дэниэла Белла, от вебленовской «конструктивной социальной инженерии» до «поэтапной инженерии» Карла Поппера, от тэйлоризма и программы тотального обучения Джона Дьюи до концепции «общества, основанного на знаниях» Питера Друкера [1; 3; 13; 26; 29; 33].

Такое позиционирование науки имело последствия, далеко выходящие за границы познавательной деятельности. Социогуманитарное знание, в отличие от естественнонаучного, лишь в очень редких случаях считало себя «чистым», оно практически всегда связывалось с социальными технологиями, с задачей манипулирования массами в целях улучшения общества [3; 19]. Поскольку научный характер следовало придать как познанию общества, так и управлению им, постольку это никак нельзя было пускать на самотек. От результатов реализации научных проектов ожидалась вполне конкретная отдача – они должны были давать адекватную оценку ситуации, диагностировать «болевы точки», предлагать оптимальные шаги и инструменты для достижения целей, вырабатывать алгоритмы принятия решений и методы эффективного воздействия на массы. Поэтому дело организации исследований все более и более осознавалось как задача органов власти. Соответственно, не только институциональные меры – такие, как создание исследовательских центров и групп, но и финансирование проектов, а, как следствие, и определение научных проблем, требующих решения, и оценка эффективности результатов работы ученых оказывались зависимы от вненаучных факторов [29; 31].

Все это отчетливо проявилось в процессе институционализации социогуманитарных дисциплин на мировом уровне. Следует отметить, что к началу XX в. конкуренция между ними резко обострилась. В борьбе за место в иерархии наук ведущие роли принадлежали, с одной стороны, ветеранам, таким как история и правоведение, а с другой, новичкам, активно пробивающим себе дорогу на эпистемологический олимп, – психологии, социологии и политологии. Последние позиционировали себя как альтернативу обветшалым, погрязшим в умозрительных спекуляциях «старикам», ссылаясь на близость к идеалу строгой науки, т. е. на эмпирическую фундированность, рациональность процедур и ценностную нейтральность своих исследований. При этом каждая них настаивает

вала на дисциплинарной автономии, а то и на методологическом или тематическом первенстве по отношению к смежным областям знания. Поскольку предмет каждой «не был чистым в том смысле, что тематически мог пересекаться с вопросами из области политики, этики, религии или натуральной философии» [35, с. 15], постольку «дележ» предметного поля, да и методологического инструментария, в этом противоборстве явно носил второстепенный характер, уступая интересам организационного позиционирования в академическом пространстве.

К примеру, благодаря активности Дюркгейма и его школы социология смогла занять место в университетах Франции, не оставив шансов политологии, которой была отведена роль субдисциплины, в то время как усилия Чарльза Мерриама привели к открытию в Чикагском университете наряду с отделением социологии еще и департамента политической науки.

Важнейшим этапом в этой конкуренции стала амбициозная попытка централизованно, при помощи административно-организационных мер структурировать поле социальных исследований, обозначить и формально закрепить границы научных дисциплин. Это произошло в 1949–1950 гг., когда под эгидой ЮНЕСКО были созданы международные ассоциации различных социогуманитарных наук и документально, в виде соответствующей конституции, закрепились их основные параметры.

Добившись организационного оформления и признания на международном уровне, дисциплины-бенефициары впоследствии, при экспансии в национальное научно-образовательное пространство какой-либо страны, опирались на авторитет международного научного сообщества и силу общих положений, установивших стандарты исследования. Тем самым они получали значительные преимущества по сравнению с теми, кто не вошел в данный список, и смогли укрепить имидж легитимных с точки зрения научного эталона направлений познания.

Примечательно, что в этом процессе религиоведение оказалось вне пула основных «игроков». Это – весьма красноречивый факт, говорящий о том, что в 1930–60-е гг. на Западе знания о религии не расценивались как социотехнологический ресурс, в отличие от Советского Союза, где в этот период активно создавались институты, предназначенные для вовлечения знаний о религии в практику социально-политического управления [8; 15; 27]. Наверное, немалую роль в возникновении такой ситуации сыграли и сами религиоведы, которые «заявили об утрате роли религии в Западном мире и, возможно, о прекращении существования этого явления» [25, с. 128].

Поскольку размежевание и институциональное закрепление наук проходило в основном по внешним основаниям, постольку оно не снимало, да и не могло снять проблему их предметной и методологической демаркации. Общие рамки подхода к данной проблеме, заданные принятыми конвенциями, для всех «узаконенных» наук практически сразу же оказались слишком узкими. Ни одна из них не смогла остаться в предписанных границах. А когда на рубеже XX и XXI вв. глобальными трендами стали размывание границ между отдельными областями исследований, ускоренное сращивание предметных сегментов далеких друг от друга наук и активное формирование гибридных дисциплин, ситуация с пониманием собственной предметности окончательно запуталась.

Результаты исследования

Религиоведение в этом эпистемологическом хаосе ничего не потеряло. В ходе «великого огораживания» тематические области, связанные с исследованием религии в целом и отдельных религиозных феноменов, в частности, не были изъяты из предметного поля ни одной из добившихся международного признания наук: и история, и психология, и социология, и политология, и даже экономика в принципе не рассматривали возможность отказаться от их изучения. Напротив, анализируя проблематику религии в собственной оптике и приспособлявая для её познания собственный методологический инструментарий, они продуцировали и укореняли в общем поле социогуманитарного знания различные теоретико-методологические подходы в изучении религии. Эти подходы зачастую оказывались антиномичными по отношению друг к другу, что неизбежно вело к возникновению конкурирующих парадигм, оказывающихся в распоряжении религиоведов.

Таким образом, религиоведение вместе со всеми другими науками проходило все этапы трансформации науки, и «с середины XX в. ... можно говорить о начале постклассического или неклассического периода религиоведения» [22; с. 135–136], со всеми вытекающими из этого последствиями.

К числу данных последствий относится и тревога за судьбы науки, которую религиоведение разделяет со всеми другими дисциплинами. Не только в науке о религии царящие настроения «можно охарактеризовать как депрессия и страх» [24, с. 111]. Значительный алармизм присущ и ученым, озабоченным состоянием естествознания и вопрошающим о том, «не являемся ли мы свидетелями конца науки как бескорыстного поиска истины...? Или умирают лишь естественные науки, привязанные к технике?» [19, с. 28]. Такие ощущения вполне понятны и объяснимы, если учесть тектонический характер сдвигов, которые произошли в понимании науки во второй половине XX в.

Уже с начала двадцатого столетия рефлексия над классическим эталоном научной рациональности привела к тому, что:

«наука в целом и деятельность ученых, в частности, были исследованы с совершенно иных позиций, и выводы, которым приходили исследователи, оказывались порой не только не соответствующими нововременному идеалу, но и полностью ему противоречили» [13, с. 117].

Эта ревизия, затронувшая и естественнонаучное, и социогуманитарное знание, шла по нескольким траекториям. Часть из них была обусловлена внутренними стимулами, связанными с осмыслением базовых принципов научной рациональности, часть стали откликом на меняющуюся действительность. Критика привела к повороту, при котором «наука, ориентируясь на целостное, холистическое мировидение, сопрягает познавательный опыт с эпистемологией соучастия, что, в свою очередь, предполагает и новую онтологию, и новую этику» [26, с. 66]. Наиболее болезненным для классического понимания эпистемических ценностей результатом стало дезавуирование важнейших маркеров научности. [5; 7; 19; 32; 34].

Прежде всего, принцип автономии научной рациональности был атакован в той части, которая касается внешней для собственно познавательной деятельности стороны, – в утверждении о приоритете поиска истины, который не должен зависеть от привходящих условий. Теперь оказалось многократно доказанным и показанным, что наука не является «заповедником». Научное исследование не только не должно, но и не может игнорировать контекстуальные факторы, т. е., к примеру, быть независимым от моральных ограничений, принятых в обществе. Тезис о социальной ответственности ученого, приобретший популярность после Второй мировой войны, к началу двадцать первого столетия уже практически не оспаривается. Он получил повсеместное распространение, влияя не только на социальные, но и на естественные науки, красноречивым примером чему могут служить запреты исследований в области генной инженерии и клонирования биологических организмов.

В результате факторы, напрямую не связанные с поиском истины, приобрели статус директивного регулятора, по степени важности превосходящего любые нормы внутринаучного этики. Контекстуальные обстоятельства, зависящие от экономических, социальных, политических, культурных, в том числе и религиозных приоритетов, получили власть над «чистой» наукой, позволяю-

щую не только корректировать тематику, направление и методы исследований, но и прямо запрещать или, напротив, стимулировать эти исследования. Социальные практики прочно вошли в общий процесс производства знания:

«В эпоху глобализации социальное тело науки расширяется за счет подключения сфер, непосредственно с производством знания не связанных. Отличительной чертой глобального информационного общества стало введение внешнего управления в социальную структуру организации науки (социотехнических систем)» [5, с. 13].

Критический пересмотр эталона строгой научности затронул и понимание самого познавательного процесса, так сказать, внутренних дел самой науки. С легкой руки Томаса Куна и его последователей важнейшие этапы производства научного знания – постановка задачи, описание данных, выбор методологии, построение объяснительной схемы, процедура легитимации результатов познания и проч., и проч. – стали рассматриваться как зависимые от неэпистемических ценностей. Причем сегодня речь уже идет не только о директивном воздействии научного сообщества. Скорее, о том, что отбор того, что признается в качестве факта, зависит от установки, предмет исследования – от цели, а результат – от выбранного ракурса.

Кстати сказать, религиоведение и в этом отношении оказывается «в тренде», поскольку путем саморефлексии признает, что «... как рабочее обычно избирается то понятие религии, которое соответствует мотивам и целям самого исследователя. То есть через постановку цели выделяется конкретный аспект религии, который подразумевается основополагающим, наиболее характерным и т. п.» [23, с. 167].

Сегодня практически общим местом стал тезис о том, что основания, по которым одни теории предпочитают другим или одни гипотезы принимаются, а другие отбрасываются, в большей мере зависят не от жестких критериев научной рациональности, а от прагматичных, ситуативных, субъективных соображений – от уровня профессиональной солидарности, от авторитета автора концепции, его места в научной иерархии или от согласия или несогласия с его исходными установками и ценностными ориентирами. В конце концов, консенсус может навязываться – будь то путем давления на научное сообщество, будь то посредством манипулятивных технологий [6; 16; 17; 29; 30; 31; 32; 33; 34].

Таким образом, в наши дни дискуссии ведутся не о том, можно или нельзя дистанцироваться от влияния контекстуальных факторов в научном поиске, а о том, как ранжировать их по степени значимости и как они должны вписываться в механизм легитимации нового знания. При этом радикальные версии развен-

чания научной рациональности, представленные в эпистемологическом анархизме Фейерабенда и постмодернистских концепциях, все же остаются маргинальными. Но нельзя игнорировать тот факт, что они служат богатым арсеналом идей, используемых для переосмысления классического эталона науки, заставляют исследователей говорить о необходимости создания новых «интерпретативных схем для адекватного описания современных трансформаций», – схем, требующих признавать фундаментальную гетерогенность мира, обуславливающую множественность моделей познания, и «принципиальную несамодостаточность научной формы познания, которая становится продуктивной лишь в диалоге с другими его формами – ненаучными и вненаучными...» [16, с. 61–62].

С высказываемыми в этих теориях положениями, даже признавая их чрезмерность в оценках науки, невозможно не считаться. Тенденции, определяющие трансформацию современной культуры, действительно требуют смены оптики в целом, в том числе и применительно к самопониманию религиоведения.

Вместо того, чтобы печалиться по поводу научной недоразвитости религиоведения, хорошо бы осознать, что основная проблема лежит совсем в другой плоскости. Вопрос заключается не в том, что религиоведение не полностью соответствует – или вообще не соответствует – эталону научности, а в том, что сам этот эталон таковым не является. Принимаемый в классическом нововременном виде, он «жмет» и познанию, и действительности. Он уже не может ни адекватно отразить то, что и как на самом деле происходит в той сфере постижения мира, которую принято называть наукой, ни послужить инструментом для получения эпистемически ценной информации о том, какова современная действительность. В актуализированном варианте он вообще не может претендовать на статус образца в силу размытости базовых параметров и минимальной нормативной силы.

Выводы

Важно помнить, что религиоведение сегодня находится ровно в том же положении, что другие отрасли, добывающие знание. Все они вынуждены дрейфовать в бурном море растущей неопределенности, уворачиваясь от Сциллы ригоризма «строгой научности» и Харибды эпистемологического анархизма. Классическая мифология, как известно, предлагает три способа избежать гибели от упомянутых чудовищ – Одиссей идет на жертвы, Ясон получает помощь извне, Эней предпочитает объездной путь. Ни одна из этих дорог, увы, не при-

годна ни для современной науки в целом, ни для религиоведения в частности. «Жертвы» (будь то в пользу нововременного идеала науки или его радикального оппонента) снижают объяснительную и прогностическую потенцию. Надежды на то, что некая высшая инстанция (философия науки, «невидимый колледж» или некая управленческая институция) завтра выработает новый эталон научности, который сразу станет общезначимым и общепризнанным, выглядят утопичными. Избегание же проблемы не ведет к ее решению. Ожесточенные дискуссии о природе и пределах науки и критериях научности, длящиеся более столетия, показали, что пока попытки уничтожить хотя бы одно «чудище» не увенчались успехом, а перспективы их отмирания или самоустранения весьма туманны. Можно, конечно, было бы встать под знамена одного из них и с отвагой обреченного отбивать яростные атаки оппонентов, не вникая в их доводы. Но подобная невосприимчивость к аргументации означала бы не укрепление защищаемого бастиона, а разрушение его изнутри.

Приходится признать, что в современном мире ученые заняты вовсе не технологически выверенным, солидарным, защищенным от капризов непосвященных возведением дворца истины из кирпичиков достижений, протестированных на достоверность и очищенных от всяческих примесей и негодных наслоений. Так же не являются они и свободными демиургами, способными либо по собственному произволу, либо в створе с единомышленниками устанавливать нормы познания, плодить исследовательские практики и конструировать дискурсы, следуя фейерабендовскому лозунгу «anything goes». Люди, посвятившие себя добыче знания, вольно или невольно включены в высококонкурентную среду с нестабильными «правилами игры», где успех далеко не всегда зависит от уровня компетентности специалистов или эффективности предлагаемых решений. Зачастую он определяется интересами и целями, внешними по отношению к исследовательским стратегиям.

Следуя модели Коблер-Росс, можно сказать, что отрицать сложившееся положение дел бессмысленно, гневаться и торговаться бесперспективно, отчаиваться неконструктивно. Поэтому, если исключить радикальный вариант «выхода на сушу», т. е. снятия проблемы путем отказа от научного дискурса, то остается один вариант – принять ситуацию как данность и всемерно способствовать укреплению и расширению институционализированного присутствия дисциплины в академической среде, росту востребованности специалистов и т. п. – к тому, что не в малой степени определяет судьбу науки в современном мире.

У религиоведения в этом море конкурирующих эпистемических стратегий достаточно прочные позиции – и с точки зрения глубины, широты охвата и многомерности в разработке предметного поля, и с точки зрения значимости и востребованности результатов, и с точки зрения исследовательских и социальных перспектив. Поэтому можно полностью согласиться с тем, что «религиоведение имеет перспективой вхождение в качественно новое (пока больше интуитивно, чем целенаправленно складывающееся) культурное пространство – единую систему знаний о мире и человеке» [23, с. 174]. Более того, в этом процессе религиоведение обладает рядом существенных преимуществ перед другими дисциплинами. Среди таких преимуществ можно назвать емкость и многомерность концептуального аппарата, большую междисциплинарную адаптивность и развитые навыки мультипарадигмальной комбинаторики, высокий уровень чувствительности к «колебаниям социальной ткани», к актуальным запросам и трендам, – все то, что сегодня ожидается от нового подхода к постижению трансформирующейся реальности [6; 16; 17].

Нужно только отказаться от самобичевания, перестать «меряться научностью» и приложить усилия к тому, чтобы по возможности оптимизировать исследовательскую ситуацию – как минимум, попытаться определить если не границы (приведенная выше метафора водного простора более чем наглядно показывает, насколько зыбкими и мерцающими они были бы), то пределы, за которые не следует заплывать, чтобы не превратить изучение религии, с одной стороны, в эпистемологический раритет, ностальгирующий по прекрасному девятнадцатому столетию, а с другой, – в свалку дискурсов, грозящую утопить рациональность в пучине воинствующего невежества.

Список литературы

1. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.
2. Апполонов А. В. Наука о религии и ее постмодернистские критики: моногр. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 240 с.
3. Аргамасова А. А. Прикладное социогуманитарное знание, социальные технологии и инженерия // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. 46. – № 4. – С. 70–84.
4. Астапов С. Н. О демаркации предметов исследования философии религии и религиоведения // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 5. – С. 112–121.
5. Герасимова И. А. Неопределенность в познании и в социальных практиках // Эпистемология и философия науки. – 2019. – Т. 56. – № 4. – С. 8–20.
6. Давыдов И. П. «Черный ящик» российского религиоведения в свете акторно-сетевой теории Бруно Латура // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – Т. 16. – Вып. 1. – С. 193–200.

7. Давыдов И. П. Эпистема мифоритуала: моногр. – М.: МАКС Пресс, 2013. – 180 с.
8. Ершова И. И. Изучение религии, а не пропаганда атеизма // Вопросы философии. – 2020. – № 2. – С. 110–119.
9. Ершова И. И. Теология или «богословие 2.0»? // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 2020. – № 1. – С. 93–108.
10. Забияко А. П. Религиоведение как строгая наука // Концепт: Философия, религия, культура. – 2019. – № 3. – С. 47–64.
11. Карандашов В. Д., Лебедев В. Ю. Прологомены семио-герменевтического религиоведения // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2017. – № 3. – С. 124–133.
12. Круглый стол в редакции журнала на тему «В чем научность теологии?» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2016. – № 3. – С. 205–223.
13. Куслий П. С. Является ли наука эпистемически автономной? Современные проблемы и дискуссии в социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. – 2019. – Т. 56. – № 1. – С. 116–132.
14. Магомедов К. М. Религия – теология – наука // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. – 2017. – Т. 32. – Вып. 4. – С. 138–150.
15. Меньшикова Е. В., Яблоков И. Н. О периодах в истории отечественного религиоведения // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 2011. – № 5. – С. 98–116.
16. Мчедлова М. М. Изменение объяснительных моделей политики: включение религиозных референтов // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. – 2010. – № 6. – С. 59–70.
17. Мчедлова М. М., Кудряшова М. С. Религия и политика: от секуляризации к новым теоретическим координатам исследования // Политическая наука. – 2016. – Спец. вып. – С. 43–58.
18. «Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX – начала XXI в. / сост., предисл., общ. ред. К. М. Антонова. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. – 264 с.
19. Никифоров А. Л. Трансформация науки в XX в.: от поиска истины к совершенствованию техники // Эпистемология и философия науки. – 2019. – Т. 56. – № 3. – С. 20–29.
20. Писманик М. Г. Религия в культуре и гражданском единении. – Пермь: Изд-во Пермского гос. ин-та культуры, 2019. – 444 с.
21. Пылаев М. А. Прологомены ко всякому будущему религиоведению, могущему возникнуть в качестве христианского религиоведения // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2018. – Вып. 80. – С. 119–126.
22. Смирнов М. Ю., Бокова О. А. Методология религиоведения как проблема // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2017. – № 3. – С. 133–147.
23. Смирнов М. Ю. Религия и религиоведение в научном дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. – 2004. – Вып. 4. – С. 165–176.
24. Фолиева Т. А. Головокружение от успехов II // Религиоведческие исследования. – 2015. – № 11. – С. 111–121.

25. Чернеевский А. П. Проблема дискурса в современном религиоведческом исследовании // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2020. – № 1. – С. 126–135.
26. Черникова И. В., Черникова Д. В. Методологические и структурные трансформации в развитии современной науки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 49. – С. 60–68.
27. Шахнович М. М., Чумакова Т. В. Идеология и наука: изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. – СПб.: Наука, 2016. – 367 с.
28. Элбакян Е. С. Современное российское религиоведение – в горе и в радости... // Религиоведческие исследования. – 2015. – № 1(11). – С. 191–199.
29. Carroll P. Science, culture, and modern state formation. – Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 2006. – 275 p.
30. Giere R. Explaining science: a cognitive approach. – Chicago: University of Chicago Press, 1988. – 321 p.
31. Helmer O., Brown B., Gordon T. The social technology. – N.Y.: Basic Books, 1966. – 108 p.
32. Hicks D. J. A new direction for science and values // Synthese. – 2014. – Vol. 191. – pp. 3271–3295.
33. Hull D. L. Science as a process: an evolutionary account of the social and conceptual development of science. – Chicago; London: University of Chicago Press, 1988. – 600 p.
34. Merton R., Storer N. The sociology of science: theoretical and empirical investigations. – Chicago; London: University of Chicago Press, 1973. – 605 p.
35. Porter T. M. Genres and objects of social inquiry, from the enlightenment to 1890 // The Cambridge History of Science. Vol. 7. The Modern Social Sciences. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – P. 13–39.

References

1. Agazzi, E. (2012). Ideya obshchestva, osnovannogo na znaniyah [The idea of a knowledge-based society] *Voprosy filosofii*. [Russian Studies in Philosophy]. Vol. 10. pp. 3–19. (In Russian).
2. Appolonov, A. V. (2018). *Nauka o religii i ee postmodernistskie kritiki* [The science of religion and its postmodern critics]. Moskva: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. 240 p. (In Russian).
3. Argamakova, A. A. (2015). Prikladnoe sociogumanitarnoe znanie, social'nye tekhnologii i inzheneriya [Applied socio-humanitarian knowledge, social technologies and engineering] *Epistemologiya i filosofiya nauki*. [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 46. No. 4. pp. 70–84. (In Russian).
4. Astapov, S. N. (2018). O demarkatsii predmetov issledovaniya filosofii religii i religiovedeniya [On the demarcation between the subject-matters of philosophy of religion and religious studies] *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i social'nye nauki*. [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Ser. Humanitarian and Social Sciences]. Vol. 5. pp. 112–121. (In Russian).
5. Gerasimova, I. A. (2019). Neopredelennost' v poznanii i v social'nyh praktikah [Uncertainty in cognition and in social practice] *Epistemologiya i filosofiya nauki*. [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 56. No. 4. pp. 8–20. (In Russian).

6. Davydov, I. P. (2015). “Chernyj yashchik” rossijskogo religiovedeniya v svete aktorno-setevoj teorii Bruno Latoura [“Black box” of the Religious Studies in Russia in the light of Bruno Latour's actor-network theory] *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*. [Review of the Russian Christian academy for the humanities]. Vol. 16. No. 1. pp. 193–120. (In Russian).
7. Davydov, I. P. (2013). *Epistema miforituala* [Episteme of mythoritual]. Moskva: MAKS Press. 180 p. (In Russian).
8. Ershova, I. I. (2020). Izuchenie religii, a ne propaganda ateizma [The Study of Religion, not Atheism Propaganda] // *Voprosy filosofii*. [Russian Studies in Philosophy]. Vol. 2. pp. 110–119. (In Russian).
9. Ershova, I. I. (2020). Teologiya ili “bogoslovie 2.0”? [Theology or “theology 2.0”?] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya*. [Moscow University Bulletin. Ser. 7. Philosophy]. Vol. 1. pp. 93–108. (In Russian).
10. Zabiyaiko A. P. (2019). Religiovedenie kak strogaya nauka [Study of Religion as a Strict Science] *Koncept: Filosofiya, religiya, kul'tura* [Concept: philosophy, religion, culture]. Vol. 3. pp. 47–64. (In Russian).
11. Karandashov, V. D., Lebedev, V. Yu. (2017). Prolegomeny semio-germenevticheskogo religiovedeniya [Prolegomena to semi-hermeneutic approach i the religious studies] *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*. [Pushkin Leningrad State University Journal]. No. 3. pp. 124–133. (In Russian).
12. Kruglyj stol v redaktsii zhurnala na temu “V chem nauchnost' teologii?” [What Is the Scientific Status of Theology as a Discipline? Round-Table in the Editorial Office of the Journal] (2016). *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. [State, religion and Church in Russia and abroad] No. 3. pp. 205–223. (In Russian).
13. Kuslij, P. S. (2019). Yavlyaetsya li nauka epistemicheski avtonomnoj? Sovremennye problemy i diskussii v social'noj filosofii nauki [Is science epistemically autonomous? An overview of some contemporary discussions] *Epistemologiya i filosofiya nauki*. [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 56. No. 1. pp. 116–132. (In Russian).
14. Magomedov, K. M. (2017). Religiya – teologiya – nauka [Religion – theology – science] *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.3: Obshchestvennye nauki*. [Herald of Dagestan State University. Ser. 3. Social Sciences]. Vol. 32. No. 4. pp. 138–150. (In Russian).
15. Men'shikova, E. V., Yablokov, I. N. (2011). O periodah v istorii otechestvennogo religiovedeniya [On the periods in history of the native religious studies] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya*. [Moscow University Bulletin. Ser. 7. Philosophy]. No. 5. pp. 98–116. (In Russian).
16. Mchedlova, M. M. (2010). Izmenenie ob"yasnitel'nyh modelej politiki: vklyuchenie religioznyh referentov [Revision of gnoseological models of politics: the inclusion of religious referents] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.12: Politicheskie nauki*. [Moscow University Bulletin. Ser. 12. Political sciences]. No. 6. pp. 59–70. (In Russian).
17. Mchedlova, M. M., Kudryashova, M. S. (2016). Religiya i politika: ot sekulyarizacii k novym teoreticheskim koordinatam issledovaniya. [Religion and politics: From secularization to the new theoretical coordinates of research] *Politicheskaya nauka. Spetsial'nyi vypusk* [Political science. Special issue], pp. 43–58. (In Russian).

18. Antonov, K. M., ed. (2014). *“Nauka o religii”, “Nauchnyj ateizm”, “Religiovedenie”*: aktual'nye problemy nauchnogo izucheniya religii v Rossii XX – nachala XXI v. [“Science of religion”, “scientific atheism”, “religious studies”: Actual problems of the scientific study of religion in Russia of the XX – beginning of the XXI century]. Moskva: Izd-vo PSTGU. 264 p. (In Russian).

19. Nikiforov, A. L. (2019). Transformaciya nauki v XX v.: ot poiska istiny k sovershenstvovaniyu tekhniki [The transformation of science in the XX century: from the search of truth to the enhancement of technology] *Epistemologiya i filosofiya nauki*. [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 56. No. 3. pp. 20–29. (In Russian).

20. Pismanik, M. G. (2019). *Religiya v kul'ture i grazhdanskom edinenii*. [Religion in culture and civic unity]. Perm': Izd-vo Permskogo gos. in-ta kul'tury. 444 p. (In Russian).

21. Pylaev, M. A. (2018). Prolegomeny ko vsyakomu budushchemu religiovedeniyu, mogushchemu vozniknut' v kachestve hristianskogo religiovedeniya [Prolegomena to any future religious studies that may appear as Christian religious studies] *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*. [St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies]. Vol. 80. pp. 119–126. (In Russian).

22. Smirnov, M. Yu., Bokova, O. A. (2017). Metodologiya religiovedeniya kak problema [Methodology of religious studies as a problem] *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*. [Pushkin Leningrad State University Journal]. No. 3. pp. 133–147. (In Russian).

23. Smirnov, M. Yu. (2004). *Religiya i religiovedenie v nauchnom diskurse* [Religion and religion studies in the scientific discourse] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Political Science. International Relations]. No. 4. pp. 165–176. (In Russian).

24. Folieva, T. A. (2015). Golovokruzhenie ot uspekhov II [Vertigo from success II] *Religiovedcheskie issledovaniya*. [Researches in Religious Studies]. Vol. 11. pp. 111–121. (In Russian).

25. Cherneevskij, A. P. (2020). Problema diskursa v sovremennom religiovedcheskom issledovanii [The problem of discourse in modern religious studies] *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. Vol. 1. pp. 126–135. (In Russian).

26. Chernikova, I. V., Chernikova, D. V. (2019) Metodologicheskie i strukturnye transformacii v razvitii sovremennoj nauki [Methodological and structural transformations of the contemporary science] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. Vol. 49. pp. 60–68. (In Russian).

27. Shahnovich, M. M., Chumakova, T. V. (2016). *Ideologiya i nauka: izuchenie religii v epohu kul'turnoj revolyucii v SSSR* [Ideology and science: the study of religion in the era of the cultural revolution in the USSR]. Sankt-Peterburg: Nauka. 367 p. (In Russian).

28. Elbakyan, E. S. (2015). *Sovremennoe rossijskoe religiovedenie – v gore i v radosti...* [Modern Russian religious studies – for better or for worse...] // *Religiovedcheskie issledovaniya*. [Researches in Religious Studies]. Vol. 1 (11). pp. 191–199. (In Russian).

29. Carroll, P. (2006). *Science, culture, and modern state formation*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press. 275 p.
30. Giere, R. (1988). *Explaining science: a cognitive approach*. Chicago: University of Chicago Press. 381 p.
31. Helmer, O., Brown, B., Gordon, T. (1966). *The social technology*. New York: Basic Books. 108 p.
32. Hicks, D. J. (2014) A new direction for science and values // *Synthese*. Vol. 191. pp. 3271–3295.
33. Hull, D.L. (1988). *Science as a process: an evolutionary account of the social and conceptual development of science*. Chicago, London: University of Chicago Press. 600 p.
34. Merton, R., Storer, N. (1973). *The sociology of science: theoretical and empirical investigations*. Chicago, London: University of Chicago Press. 605 p.
35. Porter, T. M. (1980). Genres and objects of social inquiry, from the Enlightenment to 1890. *The Cambridge History of Science. Vol. 7. The Modern Social Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 13–39.

Об авторе

Бойцова Ольга Юрьевна, доктор политических наук, профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-6117-4505, e-mail: olga.boitsova@gmail.com

About the author

Olga Yu. Boytsova, Dr. Sci. (Polit.), Professor, Lomonosov Moscow State University; Moskva, Russian Federation; ORCID ID: 0000-0001-6117-4505, e-mail: olga.boitsova@gmail.com

Поступила в редакцию: 25.06.2020

Received: 25 June 2020

Принята к публикации: 24.08.2020

Accepted: 24 August 2020

Опубликована: 14.09.2020

Published: 14 September 2020